

[С. АБСОЛЮТНЫЙ СУБЪЕКТ]

(А.А.) РАЗУМ

(С.С.) РЕЛИГИЯ

(В.В.) ДУХ

(D.D.) АБСОЛЮТНОЕ ЗНАНИЕ

V. ДОСТОВЕРНОСТЬ И ИСТИНА РАЗУМА

С постигнутой им мыслью, что *единичное* сознание *в себе* есть абсолютная сущность, сознание уходит обратно в само себя. Для несчастного сознания *в-себе-бытие* есть *потустороннее* его самого. Но движение несчастного сознания завершило в нем то, что единичность в ее полном развитии или единичность, которая есть *действительное сознание*, была установлена как *негативное* его самого, т.е. как *предметная* крайность или, иными словами, его для-себя-бытие было исторгнуто из себя и превращено в бытие; здесь для сознания обнаружилось также его *единство* с тем всеобщим, которое для нас (так как снятое единичное есть всеобщее) более уже не оказывается вне его и которое (так как сознание сохраняет себя само в этой своей негативности) в нем как таковом есть его сущность. Его истина есть то, что в умозаключении, где крайние термины выступали абсолютно раздельно, является средним термином, который говорит неизменному сознанию, что единичное отрекалось от себя, а единичному – что неизменное уже не есть для него крайний термин, а примирено с ним. Этот средний термин есть единство, которое непосредственно знает оба [крайних термина] и устанавливает их соотношение, и есть сознание их единства, о котором он говорит сознанию и тем самым себе самому, есть достоверность того, что в нем вся истина.

[1. И д е а л з м.] – Тем самым, что самосознание есть разум, его доселе негативное отношение к инобытию обращается в положительное отношение. До сих пор для него все дело сводилось к его самостоятельности и свободе, к тому, чтобы спасти и сохранить себя для себя самого за счет мира (*der Welt*) или своей собственной действительности, которые выступают для него как негативное его сущности. Но в качестве разума, уверенное в самом себе, оно успокоилось в отношении их и может переносить их, ибо оно удостоверилось в самом себе как в реальности, или в том, что вся действительность есть не что иное, как оно; его мышление непосредственно само есть действительность: оно, следовательно, относится к ней как идеализм. Когда он постигает себя таким образом, ему кажется, что мир лишь теперь возник для него; до этого оно не понимает мира, оно вожделеет и обрабатывает его, уходит из него внутрь себя и искореняет его для себя и себя само в качестве сознания – и в качестве сознания мира как сущности, и в качестве сознания его ничтожности. Только тут, после того как потеряна могила его истины, искоренено само искоренение его действительности, и единич-

ность сознания для него есть в себе абсолютная сущность, оно открывает мир как *свой* новый действительный мир, в постоянстве которого оно заинтересовано, как прежде было заинтересовано только в его исчезновении; ибо *устойчивость* мира становится для сознания его собственной *истиной* и его собственным наличием; оно уверено, что на опыте узнает в нем только себя.

Разум есть достоверность сознания, что оно есть вся реальность; так идеализм провозглашает свое понятие. Как сознание, *выступая* в качестве разума, *непосредственно* обладает в себе этой достоверностью, так и *идеализм непосредственно* провозглашает ее⁸²: “я есмь я”, в том смысле, что “я” есть для меня предмет не так, как в самосознании вообще, и не так, как в свободном самосознании, [т.е.] в первом случае – лишь *пустой* предмет вообще, во втором – лишь предмет, который удаляется от других предметов, еще обладающих значением *рядом* с ним, а так, что “я” есть предмет наделенный сознанием *небытия* какого бы то ни было другого предмета, единственный предмет, вся реальность и все, что имеется налицо. Но самосознание есть вся реальность не только *для себя*, но и *в себе* лишь благодаря тому, что оно становится этой реальностью или, лучше сказать, *выказывает* себя таковой. Оно выказывает себя таким на *том* пути, на котором в диалектическом движении мнения, воспринимания и рассудка инобытие прежде всего исчезает как бытие *в себе*, и на котором затем – в движении через самостоятельность сознания в господстве и рабстве, через мысль о свободе, через скептическое освобождение и борьбу абсолютного освобождения раздвоенного внутри себя сознания – инобытие, поскольку оно есть только *для самосознания*, исчезает и для *него самого*. Одна за другой выступили две стороны – в одной сущность или истинное обладало для сознания определенностью *бытия*, в другой – сущность или истинное обладало определенностью бытия только *для сознания*. Но обе сводились в одну истину: что то, что *есть*, или то, что *в себе*, есть лишь постольку, поскольку оно есть *для* сознания, и что то, что *есть для него*, есть также *в себе*. Сознание, которое есть эта истина, прошло этот путь и забыло о нем, выступая *непосредственно* как разум, или [иначе говоря,] этот непосредственно выступающий разум выступает лишь как *достоверность* указанной истины. Разум таким образом *заверяет* только, что он – вся реальность, но сам этого не понимает, что названный забытый путь есть понимание этого непосредственно выраженного утверждения. И равным образом тому, кто не прошел этого пути, это утверждение, когда он слышит его в этой чистой форме, непонятно, хотя в конкретном виде он, быть может, сам его высказывает.

Идеализм, который не воспроизводит названного пути, а начинает с этого утверждения, также есть поэтому чистое *заверение*, которое само себя не понимает и не может сделать себя понятным для других. Он провозглашает *непосредственную достоверность*, которой противостоят другие непосредственные достоверности, пропав-

шие, однако, на названном пути. Поэтому *заверения* этих других достоверностей имеют такое же право занимать место *рядом с заверением* первой достоверности. Разум ссылается на *самосознание* каждого сознания: “я есмь я”, мой предмет и моя сущность есть “я”; и ни одно сознание не станет оспаривать у него этой истины. Но основывая эту истину на этой ссылке, разум санкционирует истину другой достоверности, а именно: *для меня есть “иное”*; “иное”, нежели “я”, есть для меня предмет и сущность, или, будучи для себя предметом и сущностью, я таков, только удаляясь от “иного” вообще и выступая *рядом* с ним в качестве некоторой действительности. – Лишь когда разум выступает из этой противоположной достоверности как *рефлексия*, его утверждение о себе выступает не только как достоверность и заверение, но и как *истина*; и не *рядом* с другими, а как *единственная* истина. *Непосредственное выступление* [разума] есть абстракция его *наличности, сущности и в-себе-бытия* которой есть абсолютное понятие, т.е. *движение того, чем он стал*. – Сознание по-разному определит свое отношение к инобытию или к своему предмету в зависимости от того, на какой именно ступени осознающего себя мирового духа оно стоит. Какими на каждой ступени мировой дух *непосредственно* находит и определяет себя и свой предмет, или как он есть *для себя*, – это зависит от того, чем он уже *стал* или что он уже есть *в себе*.

[2. К а т е г о р и и.] – Разум есть достоверность того, что он есть вся *реальность*. Но это “*в себе*” или эта *реальность* есть еще нечто безусловно всеобщее, чистая *абстракция реальности*. Это первая *положительность*, которая есть *для себя* самосознание *в себе самом*, и поэтому “я” есть только *чистая сущность* сущего или простая *категория*. *Категория*, значение которой прежде состояло в том, что она есть сущность сущего – *неопределенно*: сущего вообще или сущего по отношению к сознанию⁸³, теперь есть *сущность* или простое *единство* сущего лишь как мыслящей действительности; иначе говоря, категория означает, что самосознание и бытие есть *одна и та же* сущность, *та же* не в сравнении, а сама по себе. Только односторонний, дурной идеализм позволяет этому единству вновь выступать в качестве сознания на одной стороне, а на противоположной некоторое “*в себе*”⁸⁴. – Но эта категория или *простое* единство самосознания и бытия имеет в себе *различие*, ибо ее сущность состоит именно в том, что *в инобытии* или в абсолютном различии она непосредственно равна себе самой. Поэтому различие *есть*, но есть совершенно прозрачно, и как различие, которое в то же время не есть различие. Оно является в виде *множественности* категорий. Так как идеализм провозглашает *простое единство* самосознания всей реальностью и *непосредственно* выдает это единство за сущность, не достигая понятия этого единства как абсолютно негативной сущности – только последней самой присуща негация, определенность или различие, – то еще непонятнее первого [утверждения] второе – будто в категории есть *различия* или *виды*. Это заверение,

точно так же как заверение, что есть какое-то *определенное число* видов категории, есть вообще некоторое новое заверение, которое, однако, в самом себе содержит то, что им нельзя более довольствоваться как заверением. Ибо тем самым, что *различие* берет свое начало в чистом “я”, в самом чистом рассудке, установлено, что здесь отказываются от *непосредственности, заверения и нахождения* и начинается *приведение к понятию*. Но снова принимать так или иначе множественность категорий за какую-то находку (отправляясь, напр., от суждений) и в таком виде ими довольствоваться, – это на деле выглядит как позор для науки⁸⁵, где же еще рассудок был бы в состоянии показать необходимость, если он не в состоянии это сделать по отношению к себе самому, чистой необходимости?

Так как, далее, чистая сущность вещей, как и их различие, принадлежит разуму, то, собственно говоря, более уже вообще не могло бы быть речи *о вещах*, т.е. о чем-то таком, что для сознания представляло бы собой только негативное его самого. Ибо если все многочисленные категории суть *виды* чистой категории, то это значит, что она есть еще их *род* или *сущность*, а не противоположна им. Но они суть уже то двусмысленное, которое в то же время само по себе имеет в его *множественности* инобытие *по отношению* к чистой категории. Они на деле ей противоречат этой множественностью, и чистое единство должно снять их в себе, благодаря чему оно конституируется как *негативное единство* различий. Но как *негативное* единство оно исключает из себя в равной мере и *различия* как таковые, и упомянутое первое *непосредственное* чистое единство как таковое и есть *единичность* – новая категория, которая есть включающее сознание, т.е. сознание того, что для него есть некоторое “*иное*”. Единичность есть переход категории из своего понятия к некоторой *внешней* реальности, чистая *схема*, которая в такой же мере есть сознание, в какой она благодаря тому, что она – единичность и включающее “одно”, есть намек на “иное”. Но это “*иное*” этой категории – только *другие первые категории*, т.е. *чистая сущность* и *чистое различие*; и в ней, т.е. именно в установленности “иноного” или в самом этом “ином”, сознание точно так же – оно само. Каждый из этих разных моментов отсылает к другому; но в то же время сознание не приходит в них ни к какому инобытию. Чистая категория отсылает к *видам*, которые переходят в негативную категорию или в единичность; но последняя отсылает назад к видам, она сама есть чистое сознание, которое в каждом из них остается для себя этим ясным единством с собой, но единством, которое точно так же относят к “иному” – исчезнувшему, когда оно есть, и возрожденному, когда оно исчезло.

[3. П о з н а н и е п у с т о г о (с у б ъ е к т и в н о г о) и д е а л и з м а.] – Мы видим, что чистое сознание установлено здесь двояким образом: то как беспокойное *блуждание*, проходящее через все его моменты, в коих видит перед собой инобытие, снимающееся в процессе постижения; то, напротив, как *покоящееся единство*, уверенное в своей истине. Для этого единства названное движение есть “*иное*”; а для

этого движения названное покоящееся единство есть “иное”; и сознание и предмет сменяют друг друга в этих взаимных определениях. Сознание, следовательно, есть для себя то блуждающее искание, а его предмет – чистое “в себе” и сущность, то оно есть для себя простая категория, а [его] предмет – движение различий. Но сознание как сущность само есть весь этот процесс перехода из себя как простой категории в единичность и предмет и созерцания этого процесса в предмете, снятия предмета как различного, присвоения его себе и провозглашения себя достоверностью того, что оно есть вся реальность – как оно само, так и его предмет.

Его первое провозглашение есть лишь абстрактная пустая фраза, гласящая, что все принадлежит ему (*sien ist*). Ибо лишь достоверность того, что оно есть вся реальность, есть чистая категория. Этот первый познающий себя в предмете разум находит свое выражение в пустом идеализме, который видит разум только таким, как тот есть для себя на первых порах, и который воображает, что, показывая во всяком бытии это чистое “мое” (*in allem Sein dies reine Mein*) сознания и объявляя вещи ощущениями или представлениями, он показал это “мое” [сознание] как завершённую реальность. Он должен быть поэтому в то же время абсолютным эмпиризмом, ибо для *заполнения* этого пустого “мое”, т.е. для различия и всего его развития или формирования, его разум нуждается в некотором постороннем толчке⁸⁶, в котором-де только и заключается *многообразии* процесса ощущения или представления. Такой идеализм становится поэтому столь же противоречащей себе двусмысленностью, как и скептицизм, с той только разницей, что скептицизм выражает себя негативно, а идеализм – положительно, но он столь же мало согласует свои противоречивые мысли о чистом сознании как всей реальности, а равным образом и о постороннем толчке или чувственном ощущении и представлении как такой же реальности, а бросается из стороны в сторону от одного к другому и впадает в дурную, а именно в чувственную, бесконечность. Так как разум есть вся реальность в значении абстрактного “мое” (*Mein*), а “иное” для него – *равнодушное “постороннее”*, то в этом установлено именно то знание разума об “ином”, которое оказалось тем, о чем составлено *мнение* (*Meinen*), процессом *восприятия* и *рассудком*, постигающим “мнимое” (*das Gemeinte*) и воспринимаемое. В то же время самим понятием этого идеализма утверждается, что такое знание не есть истинное знание, ибо только единство апперцепции есть истина знания. Чистый разум этого идеализма, следовательно, для того чтобы достигнуть этого “иного”, которое для этого разума *существенно*, т.е., следовательно, есть “в себе”, но которого этот разум не имеет внутри себя самого, сам возвращается к этому знанию, которое не есть знание истинного; таким образом разум, завидомо зная, что делает, добровольно осуждает себя на неистинное знание и не может отказаться от мнения и процесса восприятия, которые для него самого не обладают истиной. Он пребывает в непосредственном противоречии, утверждая нечто двойственное, прямо противополож-

ное, в качестве сущности: *единство апперцепции* и в то же время *вещь*, которая, как бы она ни называлась – *посторонним толчком*, или *эмпирической сущностью*, или *чувственностью*, или *вещью в себе*, – остается в понятии своем тем же “посторонним” упомянутому единству⁸⁷.

Этот идеализм впадает в это противоречие, потому что он утверждает в качестве истины *абстрактное понятие* разума; поэтому для него столь же непосредственно возникает реальность как такая, которая, напротив, не есть реальность разума, тогда как разум между тем должен был быть всей реальностью; такой разум остается беспокойным исканием, которое в самом искании объявляет совершенно невозможной удовлетворенность процессом нахождения. – Однако действительный разум не столь непоследователен; будучи лишь *достоверностью* того, что он есть вся реальность, он в этом *понятии* сознает, что как *достоверность*, как “я” он еще не есть поистине реальность. И он движим побуждением поднять свою достоверность до истины и заполнить *пустое* “мое”.

А. НАБЛЮДАЮЩИЙ РАЗУМ

Мы видим теперь, что это сознание, для которого *бытие* (das Sein) имеет значение *своего* (des Seinen), хотя и входит опять в мнение и восприятие, но входит не как в достоверность некоторого лишь “*иного*”, а располагая достоверностью того, что оно само – это “*иное*”. Прежде с ним *бывало* лишь так, что оно воспринимало кое-что в вещи и узнавало *на опыте*; теперь оно само делает наблюдения и производит опыт. Мнение и восприятие, которые раньше устранялись для нас, теперь устраняются сознанием для него самого; разум стремится *знать* истину, найти как понятие то, что для мнения и восприятия есть вещь, т.е. обладать в вещи только сознанием себя самого. Разум теперь проявляет общий *интерес* к миру потому, что он есть достоверность того, что он наличествует в мире, или что наличность – разумна. Он ищет свое “*иное*”, зная, что обладает в нем не чем иным, как самим собой; он ищет только свою собственную бесконечность.

На первых порах только предчувствуя себя в действительности или зная ее лишь как “*свое*” вообще, разум вступает в этом смысле в общее владение гарантированной ему собственностью и на всех высотах и во всех глубинах водружает знак своего суверенитета. Но это поверхностное “*мое*” не есть его конечный интерес; радость этого общего вступления во владение наталкивается в его собственности еще на постороннее “*иное*”, которого нет в самом абстрактном разуме. Разум предчувствует себя как более глубокую сущность, ибо чистое “я” *есть*, и должен требовать, чтобы само различие, [т.е.] *многообразное бытие*, открылось ему как “*свое*”, чтобы оно, это “я”, созерцало себя как *действительность* и находило себя в наличии как форма и вещь. Но если бы разум перерыл все внутренности вещей и вскрыл им все жилы, чтобы хлы-